

В. Р. Ваврикъ.

П о б ъ гъ и зъ п л ъ н а
генерала Корнилова
ч е р е зъ К а р п а т ы

Львовъ, 1931.

Ген. Лавръ Георгіевичъ Корниловъ.

Побѣгъ изъ плѣна ген. Корнилова черезъ Карпаты.

На свѣтѣ все измѣнчиво.

Поколѣніе смѣняетъ поколѣніе. Бываетъ и такъ, что безвозвратно гибнутъ державы и народы. На ихъ мѣсто приходятъ новые люди и новые порядки. Въ потокѣ безконечнаго времени оставляютъ за собою слѣдъ только рѣдкія единицы, одаренные безсмертнымъ знаменемъ духа. Таковъ Александръ Македонскій, великий богатырь старины, съумѣвшій покорить весь востокъ отъ чарующей Греціи вплоть къ гималайскимъ горамъ, у стопъ которыхъ раскинулась благодатная Индія. Таковъ грозный Атилла, вождь желтокожихъ гунновъ, пролетѣвшій громомъ съ дикою своею ордою черезъ поля и горы отъ Азіи къ берегамъ Франціи. Таковъ и Наполеонъ, что вздумалъ держать подъ своею пятою разноплеменныя народы всей Европы.

Не такъ великъ былъ русскій полководецъ въ послѣдней кровопролитной войнѣ, Лавръ Георгіевичъ Корниловъ! Однако его имя, какъ имена выше отмѣченныхъ богатырей, разъ навсегда останется достояніемъ исторіи человѣчества, какія бы судьбы его ни ожидали; особенно русскій народъ, раньше или позже, сложить про него не сдѣлу легенду, не одну звучную былину, прослав-

ляя въ ней его беззавѣтную храбрость и крѣпкую любовь къ родной землѣ.

*

Начнемъ разсказъ съ того дня, когда ген. Корниловъ нашелся въ тяжеломъ плѣну, среди мадьярской, чужой ему стихіи.

Еще густые сумерки лежать надъ землею, и не скоро еще засіяетъ разсвѣтъ, а уставшій плѣнникъ уже на ногахъ; не спится ему въ ста-ромъ, уныломъ замкѣ, окруженному сильною за-ставою сторожей. Невыносимая тоска гложетъ его больное сердце.

И такъ въ утомительной думѣ текутъ его невольные дни и глухія ночи. Все гуще и гуще морщится чело испытанного въ бояхъ воина, и тяжелое горе, повисшее надъ его родною сторо-ною, тревожить его постоянно. Онъ слышитъ зловѣщіе голоса, къ нему долетаютъ ужасныя вѣсти, и чуткою душою онъ предчувствуетъ безд-ну злодѣяній, въ которую падаетъ его дорогая мать-родина. Наединѣ, гдѣ его не замѣчаютъ, онъ молится, къ землѣ припадая: „Мнѣ не страшна тюрьма, заключившая меня въ неволю; меня терзаетъ, пополамъ сердце и душу разрывая, му-чительная тревога: тамъ, надъ русскою землею клокочетъ свирѣпая буря, тамъ зреетъ предатель-ство, и некому порвать цѣпи, накинутыя на ве-ликую страдалицу“.

*

Ген. Корниловъ изучилъ Карпаты въ совер-шенствѣ еще тогда, когда къ нимъ приближался съ своими вѣрными полками; основательно онъ познакомился и съ ихъ печальною исторіею: зналъ, что Днѣстръ и Быстрицы—руssкія рѣчки, что при-росшій къ ногамъ Карпатъ древній Галичъ —

одинъ изъ первыхъ русскихъ городовъ, въ кото-
ромъ такъ-же, какъ и въ Кіевѣ, пѣли бояны о славѣ
Владиміра, Ярослава, Осмомысла, звучали гу-
сли въ честь Романовичей, князей Романа, Да-
ніила, Льва и Юрія. Онъ собственными очами
замѣтилъ развалину замка, сохранившуюся въ
доказательство прошедшей свободы на крутомъ
берегу Днѣстра.

И мѣря ровными шагами свою камеру, ген.
Корниловъ мысленно вспоминаетъ рукопашные
бои съ нѣмotoю; густымъ роемъ носятся надъ
нимъ воспоминанія о томъ, какъ онъ, не щадя
себя, ведеть свое войско къ Теребовлѣ, къ Бе-
режанамъ, къ Зборову, а тамъ къ Галичу, вглубь
Карпатъ къ Дуклянскому перевалу. Онъ останов-
ливается недвижимо у окна, и ему кажется, что
все ушло безвозвратно. Усталая грудь дышитъ
порывисто, и чей-то невѣдомый голосъ заглушаетъ
его слухъ. И пелена чернаго тумана покры-
ваетъ его очи, изъ которыхъ капаютъ крупныя
слезы.

*

Трезожные слухи о трудномъ положеніи на-
родинѣ рѣшили судьбу ген. Корнилова: будучи
человѣкомъ чрезвычайно смѣлымъ, самоотвер-
женнымъ и пренебрегающимъ смертью, онъ по-
становилъ бѣжать—бѣжать, во что-бы то ни стало.

Но какъ бѣжать изъ плѣна генералу? Не
легко это дается солдату, котораго меныше сте-
регутъ, котораго выводятъ на работу въ поле и
льсь, откуда онъ можетъ свободно уйти въ от-
даленное мѣсто и бѣжать, куда глаза глядятъ.
Другое дѣло съ начальникомъ дивизіи! Вокругъ
его тюрьмы, что 10 шаговъ—по часовому. Созна-
ніе, что немыслимо пробраться за черныя ворота,

угнетало Корнилова: онъ не принималъ пищи, не спалъ по ночамъ, и при едва мерцающемъ свѣтѣ дня, сквозь щель въ ставняхъ, все неутомимо продолжалъ всматриваться въ сторону чуть-чуть синѣющихъ карпатскихъ вершинъ.

Однако, спасенія не видѣлось...

Однажды ночью, вдругъ почудилось Корнилову, что кто-то къ нему приближается; онъ почувствовалъ, что на его плечо опустилась тяжелая рука и встряхнула его. Это былъ рядовой солдатъ австрійской арміи, чехъ по происхожденію, по имени Мрнякъ, опромѣтчивый, хитрый юноша, одинъ изъ сторожей замка. Съ перваго дня онъ подмѣтилъ глубокое страданіе узника и рѣшилъ оказать ему помощь, рискуя жизнью. Онъ принесъ съ собою старую, сѣрую, грязную шинель и помятую шапку австрійской формы, даль ему ружье и велѣлъ идти прямо въ ворота. Дремавшій часовой и не замѣтилъ обоихъ; они вышли на большую дорогу по направленію къ Карпатамъ.

Какъ свободно, какъ широко отдохнула грудь недавняго невольника! Однако и отдыхать некогда! Надо скорѣе идти въ горы.

На своеи пути ген. Корниловъ придерживался разной тактики. Сначала онъ шелъ прямо черезъ єела и города, зная, что тамъ меньше наблюдаютъ, чѣмъ въ садахъ и огородахъ, куда прятались дезертиры. Върнаго и преданнаго Мрняка онъ отпустилъ на свободу, поблагодаривъ его за великодушное, стоящее жизни самопожертвованіе; послѣ трехъ сутокъ пути онъ вошелъ въ большой городъ Мискольчъ. Онъ зашелъ въ ресторанъ на окраинѣ города, чтобы запастись необходимыми харчами на дорогу.

Было еще очень рано, но въ ресторанѣ уже

жилъла жизнь кипучимъ ключемъ: солдаты пѣли
пѣсни, цыганки танцевали чардашъ, за столами
рукоплескали пожилые мадьяры. Запахъ вина и
табаку мутить ихъ головы. Ген. Корниловъ купивъ
необходимое, присѣль у стола, чтобы отдохнуть
послѣ тяжелой дороги; и тутъ онъ услышалъ
чудный разговоръ двухъ уже порядочно
выпившихъ нѣмцевъ.

— Слышишь, бѣжалъ ген. Корниловъ! Don-
perwetter, какъ это могло случиться?

— На мадьяръ нельзя полагаться; это, братъ,
ехидный народъ: выпустили, и кончено!

— Не что другое, какъ предательство! Но
вотъ, братъ, пишетъ газета, что тому, кто пой-
маетъ генерала, назначено вознагражденіе въ
десять тысячъ кронъ. Эхъ, не плохо бы получить
такую сумму.

— О да! пригодились бы деньжата въ такое
неотрадное время. А это его снимокъ? Какой-то
невзрачный себѣ, совсѣмъ не похожій на гене-
рала!

Нѣмцы стали разматривать снимокъ ген.
Корнилова, котораго въ то время въ туманномъ
ресторанѣ нельзя было узнать по лицу: онъ вы-
сохъ, какъ жердь, очи его глубоко впали въ ор-
биты, жидкая борода росла въ безпорядкѣ, а ав-
стрійская шинель преображала его въ несчастна-
го запасного, отъ которыхъ на каждомъ шагу
кишѣло въ городѣ, особенно въ ресторанахъ.
Онъ незамѣтно вышелъ изъ гущи солдатъ и по-
спѣшно направился въ горы.

*

Весна расцвѣла въ полной красѣ.

Корниловъ находился уже въ Карпатахъ,
когда австрійскія и мадьярскія газеты ежедневно

доносили, что онъ пойманъ и разстрѣлянъ. Пріученный къ суровой долѣ, бѣглецъ терпѣливо выносилъ голодъ, зной, по ночамъ холодъ и жажду. Въ ночной темнотѣ онъ проходилъ черезъ потоки, пробирался черезъ скалы и пропасти и шелъ безпрерывно, не зная отдыха. Сквозь листву безбрежнаго бора улыбалось ему голубое лицо яснаго неба. Кругомъ трепетала природа, какъ волны моря, шумѣли вѣтви вѣчнаго лѣса, и ароматъ цѣлебныхъ цветовъ наполнялъ его грудь. Быстрый и легкій соколь, трепеща крыльями, несся въ высѣ подъ голубыя облака. Живо играли ручейки и водопады. Пастушки, какъ только взошло солнце, пѣли заунывныя пѣсни, глядя на стадо овецъ, бѣгающихъ по зеленымъ полянамъ. Въ этихъ пѣсняхъ такъ и смыкались тоска и горе, придавившія когда-то вольные Карпаты. Вслушиваясь, ген. Корниловъ улавливаль въ нихъ звуки далекой своей родины, и больно сжималось его сердце; тронутый горькой участью горцевъ, онъ, вольный казакъ, долго морщилъ обгорѣвшее отъ солнца чело и, облокотясь на скалистый обрывъ, погрузился въ какое-то тяжелое забвеніе: грусть изобразилась на его лицѣ. Онъ вспомнилъ кровавую битву въ карпатскомъ перевалѣ у Дукли, гдѣ горѣть его вѣрныхъ воиновъ; какъ встарь у Фермопилъ спартанцы, удерживала напоръ бѣшенаго непріятеля. Вокругъ трупы, и онъ самъ раненъ, однако и не думаетъ сдаваться: „передержусь за всякую цѣну, пусть погибну на мѣстѣ, но не сдамся; все, что угодно, только не плѣнъ; достоинство и честь русскаго война прежде всего; я долженъ владѣть собою, ибо такъ велить долгъ, такъ велить совѣсть“. Сильною тоскою сжалось его надорванное сердце: „эхъ полки мои стальные, гдѣ вы теперь?“

Какъ богатыри, легли вы въ Карпатахъ. А гдѣ конь мой, игравшій подо мною при звукѣ трубы? Навѣрно, шрапнель разнесла его на куски, когда онъ, лишенный сѣдока, ворвался въ гущу солдатъ. Эй, ребята, не сдавайтесь врагу, одинъ шагъ впередъ равень сотнѣ верстъ отступленія.. Впередъ, родные, впередъ!..“

*

Ой, ходивъ тай' учора,
Ой, ходивъ я нынѣ;
А не могъ я изходити
Краю въ полонинѣ.

Ой, зелена полонина,
Зелена, зелена;
По три ряды буковина
Туды засаджена.

Въ полонинѣ при долинѣ
Тамъ соненъко сѣло;
Диви, брате, чорно стало
Тамъ, де було бѣло.

Въ полузабытьи и подъ говоръ воспомина-
ній ген. Корниловъ слышалъ пѣсню, но хорошо-
е не разбиралъ; онъ даже не замѣтилъ, когда
къ нему подсшелъ чабанъ съ „дзюбенкою“ че-
резъ плечо и „топорцомъ“ въ рукѣ. Онъ быль-
прикрыть овечьей шкурой, вывернутой вверхъ
шерстью, и быль похожъ на кудесника съ сѣ-
дыми волосами, выпадавшими густымъ снопомъ
изъ-подъ соломенной шляпы.

— А ты кто будешь? — ровнымъ голосомъ
спросилъ пастухъ зашедшаго въ горы незнакомца..

— Бѣгу въ родной край! — решительно от-
вѣтилъ ген. Корниловъ. Какъ опытный полково-
децъ, онъ имѣлъ возможность изучить души лю-
дей и быль убѣждены, что съ простымъ человѣ-
комъ можно говорить откровенно.

— Ты, значитъ, русскій и бѣжишъ изъ неволи. Ну, Богъ въ помощь! А коли ты здѣсь, то будь у насъ гостемъ и не бойся ничего. Сюда жандармы не заходятъ, а если бы даже случайно сатана какого и занесъ въ наши мѣста, то мы знаемъ пропасти и пещеры. Ступай за мной, отдохнешь свободно, а завтра въ путь-дорогу.

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, за добруе слово!—отвѣтилъ ген. Корниловъ и безъ оговорокъ пошелъ за чабаномъ къ его жилищу, такъ называемой „колыбѣ“.

„Колыба“ находилась у маленькаго ручейка, падающаго со скалы. По всему видно было, что она была недавно построена, такъ какъ не успѣла好好енько прикурить дымомъ. Сложена была крюками изъ большихъ неотесанныхъ досокъ до самой крыши, на которой росла мурава. Внутри „колыбы“ было совершенно темно. Чабанъ снялъ съ маленькаго окошка рогожу, и свѣтъ наполнилъ избу, на стѣнахъ которой висѣли иконы съ ликами Николая Чудотворца и Почаевской Богоматери.

— Садись, милый, на лавку, вотъ здѣсь! — попросилъ чабанъ.

— Хорошо, но не на долго — склонившись, отвѣтилъ ген. Корниловъ.

— Подожди, но безъ куска хлѣба я тебя не отпущу. Гость въ хижину, Богъ въ хижину. Я сейчасъ приду обратно.

Чабанъ вышелъ въ сѣнь. Надъ утомленною головою вождя повисли тяжелыя думы.

*

Онъ сталъ на колѣни передъ святыми иконами; въ его очахъ блестали слезы. Озnamено-явавъ грудь троекратнымъ крестомъ, онъ прошел-

таль тихую молитву: „Молю тебя, святое Провидѣніе, не оставь русскій народъ безъ помощи; выведи его на путь истины и вѣчной жизни; чтобы онъ побороль все зло и съ чистымъ сердцемъ совершалъ свои дѣла по примѣру своихъ дѣдовъ и чтобы единой душой, единствомъ словомъ и единой мыслью шелъ къ своей завѣтной цѣли“.

Чабанъ, вернувшись изъ сѣни, увидѣлъ своего гостя на колѣняхъ, припавшимъ къ землѣ. Онъ подождалъ, пока тотъ не поднесся. Горецъ держалъ въ рукахъ кусокъ жареной баранины, кусокъ сырнаго „будза“ и цѣлый кукурузный хлѣбъ.

— Скажи, стариkъ, откуда взялись у тебя такія иконы? — спросилъ ген. Корниловъ.

— Еще мой отецъ, царство ему небесное, принесъ изъ Почаева; онъ туда нѣсколько разъ тайкомъ ходилъ молиться. Какъ станетъ, бывало, рассказывать, какая тамъ красота, то слезы такъ и текутъ изъ очей—оживился чабанъ.

— Какой же ты вѣры?

— У насъ на Карпатахъ кругомъ русская вѣра, вплоть къ мадьярщинѣ и къ словакамъ на западѣ, понимаешь? Однако мадьяры не любятъ нашей вѣры и издѣваются надъ нами. А ты грамотный?

— Да, могу читать и писать—отвѣтилъ, улыбаясь, Корниловъ.

— Ну, ты человѣкъ, какъ вижу, бывалый. Скажи мнѣ, кто кого переможетъ? Али русскіе мадьяръ, али напротивъ?

— Это одному Богу извѣстно.

— Гмъ, а ты женатъ и дѣтей имѣешь?

— Да, есть у меня жена, и дѣвочка, и мальчикъ, съ нею остались.

— Господи Боже! знать, больно тебѣ безъ нихъ.

— А ты какъ думаешь?

— Думаю, что больно, когда идешь къ нимъ. Ага, а ты уже долго въ дорогѣ?

— Уже прошла недѣля, стариkъ, и всяко на пути бывало.

— Ой, вѣрю, вѣрю. Однако я не стану тебя мучить вопросами. Ты усталъ, тебѣ нужно отдохнуть, а тутъ совсѣмъ потемнѣло. Ложись спать, завтра встанешь здоровѣе. Постель у меня простая, но свѣжая, вся изъ сѣна, подушка изъ мху.

Ген. Корниловъ, послушавъ умнаго совѣта, прилегъ на постели пастуха. Сонъ его былъ крѣпокъ и мучителенъ. Но не Карпаты приснились ему. Онъ видѣлъ безъ предѣла степь съ безчисленными курганами, подымающими свое чelo изъ высокой пшеницы и травы. Широкая воля колыхалась надъ степью, по которой онъ мчался на своемъ быстромъ конѣ съ громадой вѣрныхъ текинцевъ. Куда онъ несся, онъ самъ этого не зналъ рѣшить, но стремился безпрерывно впередъ сквозь преграды, сквозь тучи враговъ, живыхъ и мертвыхъ. Со всѣхъ сторонъ они на него насыдали, ловили, замахивались шашками. Еще шагъ — и ко-нецъ! Но вотъ чудо! Ему навстрѣчуѣдутъ непобѣдимые богатыри: Илья Муромецъ, Добрыня да Ермакъ, а за ними тьма-тьмущая казаковъ. Всѣ они подымаютъ вверхъ свои каленые пики и зовутъ его къ себѣ на славный пиръ...

Спросонья генераль часто вздрагивалъ, что-то говорилъ сквозь сонъ. Старый чабанъ всю ночь сидѣлъ подъ строеніемъ, не закрывая очей ни на одно мгновеніе; онъ старательно вслушивался, не идетъ-ли въ горы какой нибудь непрошеннный гость. На разсвѣтъ онъ подошелъ къ

генералу, который проснулся съ сильной солью въ головѣ.

— Перекрестись и выпей, это ягодная вода, свѣжая, здоровая!—сказалъ чабанъ, подавая генералу глиняную посуду съ водой.

Тотъ жадно прильнуль къ чашкѣ и почувствовалъ, какъ живительная струя разливается по его тѣлу.

— Спасибо, горецъ, за братскій пріютъ, христіанское угощеніе, я до смерти тебя не забуду. Можетъ быть, доведетъ Господь отплатиться тебѣ за хлѣбъ и соль.

— Дай Богъ еще разъ увидѣться. А теперь только запомни одно: на Карпатахъ кругомъ русская вѣра. Вотъ эта сумка тебѣ на дорогу! Тамъ кукуруза, брынза, баранина.

Ген. Корниловъ, тронутый простотою старика, поклонился ему низко и пожалъ сердечно руку. Молча вышли они на дворъ. Изъ-за утренняго тумана выбивалось ясное солнце, оживала благодатная долина. Внизу курился дымъ и стелился узкой полосой. Чабанъ проводилъ гостя по крутой тропинкѣ нѣсколько верстъ, показалъ дальнѣйшія дороги, толкомъ растолковалъ, куда слѣдуетъ идти, что обходить, гдѣ останавливаться. И простившись, исчезъ въ карпатскомъ бору.

*

Прошла еще недѣля. Ген. Корниловъ все еще путешествовалъ по горамъ и ущельямъ. Несмотря на рѣдкую выносливость, онъ чувствовалъ, что силы его падаютъ, тѣмъ болѣе, что настала сырая погода. Мокрый туманъ покрылъ горы. Его шинель отяжелѣла, къ неуклюжимъ сапогамъ прилипала клейкая глина. По склонамъ спускать-

ся было почти невозможно. Въ ручейкахъ было полно воды, а мостовъ здѣсь не было.

Подойдя къ Ужу, ген. Корниловъ увидѣлъ, что эту бурную рѣчку въ бродъ нельзя было пройти; нужно было спуститься внизъ и перейти черезъ мостъ, охраняемый мадьярской заставой. Онъ шагнулъ рѣшительно впередъ, надвинувъ шапку на чено и спрятавъ голову въ воротникъ шинели. Часовой, согнувшись въ три погибели у моста, не замѣтилъ его вовсе. На несчастье однако вышелъ изъ будки взводный.

— Эй, ты! почему не отдаешь чести? Га, болванъ проклятый, ты чего его пропускаешь на мостъ? Задержать его и сейчасъ отставить на главную гауптвахту! — съ пѣною у рта кричалъ взводный.

Изъ-подъ моста выскочили два солдата съ винтовками на изготовку и задержали Корнилова. Въ его очахъ потемнѣло, лихорадочно забилось надорванное невзгодою сердце. Прощай воля, прощай свобода, прощай родная Русь!

*

Шли вдоль рѣки, клокочущей и рвущейся впередъ. Ген. Корниловъ думалъ тяжелую думу. Вдругъ его лицо просияло.

— Давайте, камрады, зайдемъ въ корчму.
— Не плохо-бы погрѣться!—замѣтилъ одинъ.
— А у тебя деньги есть? — спросилъ второй.
— Имѣю цѣлыхъ 20 кронъ!—отвѣтилъ плѣнникъ.

— Баста, идемъ!—согласились оба, ибо были очень голодны.

Подошли къ дому на окраинѣ села; на выѣскѣ было написано крупными буквами: „боръ“.

шеръ ешъ палюнка", т.е. пиво, вино и водка. Въ корчмѣ стояла кромѣшная толкотня; солдаты и мужики слились въ одну кучу. Началась попойка. Ген. Корниловъ не жалѣлъ денегъ и постоянно доливалъ до чарокъ мадьярской крѣпкой водки. Разносившая стаканчики служанка спросила Корнилова:

— А тебя за что арестовали?

— За послѣднюю глупость, милая. За то, что не отдалъ чести взводному.

— Окаянные! До чего обнаглѣли? Ступай замною!—приказала дѣвушка.

Они прошли комнатку и темный коридорчикъ. Открылась дверь, и чистое поле распростерлось передъ глазами полководца.

— Съ Христомъ въ путь!—сказала служанка.

Большія слезы выступили на ланиты закаленного воина. Онъ схватилъ руку дѣвушки и поцѣловалъ ее жарко. Вскорѣ онъ опять нашелся подъ защитой Карпатъ, и въ немъ ожили новыя силы. Дуновеніе вѣтра съ далекаго русскаго востока придало ему бодрости и ласкало, словно нѣжная рука родной матери. Онъ чувствовалъ, что кончилось его горе и, молча, благословляль лѣсистые верхи чудныхъ горъ.

На зарѣ слѣдующаго дня ген. Корниловъ пробрался черезъ румынскую границу, и весь міръ узналъ объ его подвигѣ.

*

Добрая и лихая доля ходятъ вмѣстѣ. Русь испытала ту и другую, но была, есть и будетъ, пока Богъ на небѣ. Внемли, читатель, голосу: какъ муравей, собирай для грядущихъ потомковъ все, что носить на себѣ русское знамя. Послѣ истеченія многихъ лѣтъ большой радостью затрепещетъ не одна грудь, когда прочтетъ теплый

чувства, нанизанныя тобою, какъ приманчивыя мониста, на бумагу. Дорого все, что было.

И безъ меня читатель знаетъ, что Корниловъ, возвратясь на родину, посвятилъ всѣ свои силы и труды для добра своего народа, для болѣе свѣтлой его будущности. Несложнымъ словомъ здѣсь пересказана одна только страничка изъ его жизни. Необходимо записать всѣ страницы, чтобы не погибло ничего изъ того, что теперь еще хранится въ памяти многихъ. На тебѣ, русскій человѣкъ, коли ты одаренъ живой и проницательной мыслью, лежитъ задача продолжать легенду и передать ее изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ген. Корниловъ всегда, готовясь въ бой опасный, помнилъ Мать свою и отдалъ ей все свое движимое и недвижимое имущество. Поэтому его не смѣеть забыть ни одно русское сердце.

